

Карацубек Казиев



ТРИ ЭТЮДА О ЛЮБВИ

БЕЛЫЙ БАНТИК

- Если идти до самого рассвета...
- Тогда ты испугаешься.
- Я?! Не испугаюсь!
- Правду говорю, испугаешься.
- Если не веришь, на, смотри...

Выскочив вперед, девушка побежала вдоль кромки оросительного арыка. Ее хрупкую фигурку тут же поглотила ночная темнота и скрыла в своей густой, влажной синеве.

Мелкие, как игольное ушко, капли осыпали ей лицо и руки, развеяв горьковато-терпкий запах жусана. Некоторое время она лежала притаившись, прижимая ладонью маленькое, бешено колотящееся сердечко и прислушиваясь к раздающимся сзади шорохам. Но никаких признаков живого, кроме голоса невидимого сверчка, стрекочущего где-то в поднебесье, не угадывалось. Лишь примятая трава, взмахнув головками стебельков, потихоньку поднялась снова.

Через несколько мгновений повисшую ненадолго тишину нарушил негромкий голос джигита, позвавшего «Таби-га-а-а»; он прокатился над нею, теряя силу, и растворился в воздухе. Звуки протяжного «а», встряхнув спящее безвременье, проскользили вместе с плывущим ветерком и рассыпались в черном бархате ночи.

«Нашел трусиху! Сдавайся, а то так и буду лежать, пока не найдешь меня сам».

Снова раздался голос парня, окликавший ее по имени. И опять долгое «а», поднявшись ввысь, некоторое время парило над головой, становясь все тише, тише, и наконец угасло совсем.

«Жди, думаешь, отзовусь?! Сам ведь вынудил меня стать храброй».

– А позади от тебя что-то черное бежит...

«Говори-говори, я же не трусиха!»

В сердце юноши шевельнулось какое-то неприятное ощущение, напоминающее тревогу. Он не думал, что она отважится на подобный поступок. Тихо – не дрогнет плотно теснящаяся листва тальника, безмолвно хмурится черная мгла, укрывшая его подругу.



– Табига! – громкий, смешанный с дрожью голос прозвучал теперь далеко и отозвался эхом.

Но только зеленые верхушки тростника, словно рассыпав в тиши сухой шелест, прошуршали в ответ на его сиротливый, одинокий зов...

Низко над землей торопливо пролетела стая диких уток, вспоров густую, как свернувшееся молоко, безмолвную тишину. Шумное хлопанье мощно бьющих крыльев раздалось прямо над головой джигита. Даже одно это, казалось, навредило страх. Только что, когда он в тревожном волнении позвал спутницу в том направлении, куда она скрылась, голос его невольно сорвался на крик от внезапно послышавшегося рядом «пр-р-р». Всполошившаяся ночная птичка, испуганно выпорхнув из-под ног, в мгновение ока исчезла во тьме...

– А ты, оказывается, и в самом деле смелая! – весело рассмеявшись, сказал он и в радостном смущении обнял неожиданно вынырнувшую из темноты подругу.

– Зато ты испугался – так закричал, что чуть весь аул не перебудил. – Ну, признавайся!

– Верно, я за тебя испугался.

– Вовсе и не за меня, тебе самому стало страшно... Вот если я снова спрячусь, ни за что меня не найдешь!

– Не надо, не пущу...

– А, боишься?!

– Без тебя мне, оказывается, и вправду страшно.

– Да ты вообще трусишка!

Вместо ответа, парень притянул ее ближе и с ласковой доверчивостью прижался лицом к девичьей груди. Он не уловил с ее стороны привычного сопротивления – лишь слегка оттолкнула его руку. Пусть и молчала, но эти несколько сладких мгновений затянувшейся паузы были для нее желанными. Потом она вырвалась и стыдливо отвернулась.

– Давай немного пройдемся...

Молча шагая, они подошли к берегу реки с едва заметно скольльзящим течением. Ночь выдалась облачной, поэтому в речной воде не плескались беспрестанно дрожащие отражения небесных звезд, а смутно чернеющие берега выглядели мрачными и хмурыми, точно сдвинутые сердито брови. Лишь по шумному всплеску невидимых глазу водоворотов, время от времени заглатывающих с поверхности воду, можно было догадаться, что перед ними река; эти гулкие звуки напоминали бульканье сметаны, в которой резвится стайка чебачков.

Вдруг в глубине воды, словно блеснувшая на солнце капля утренней росы, сверкнула одинокая звезда, прорезавшаяся сквозь дыру в толще облаков, начинавших расплзаться, как прохудившийся войлок.

– Моя звезда!..

– Какая?

– Та, что мелькнула сейчас в воде.

– А почему это она твоя?

– Она как мечта – далеко-далеко, но ее добрый и теплый свет ласкает мысли и манит меня в далекое путешествие. Я ее очень люблю.

– Тогда и я мечтаю туда полететь.

– Но из тебя не получится космонавт.

– Почему это, не получится?

– А потому, что ты ужасный трусишка!

Парень не стал спорить. Он молча сидел, поглаживая низкорослую траву, как будто был доволен шуткой спутницы, которую считал своей девушкой, родной и близкой...

Вокруг ни звука. Повеял ласковый, как легкое дуновение, ветерок. Самая тихая пора мягкой и облачной, изобилующей испарениями ночи. Не лают аульные собаки, утихло и кваканье лягушек. Лишь непрерывно шелестит влажный тростник беспокойно подрагивая в такт бьющемуся сердцу джигита.

Юноша взглянул в лицо подруги – обычно озорной, игривый взгляд ее смородиновых глаз неожиданно присмирел и застыл в таинственной задумчивости, словно она никак не могла обнаружить разгадку какой-то только одной ей известной тайны. Шаловливое личико баловницы, еще не отвыкшей от домашней ласки, подернулось отчего-то непонятной грустью. Растрепанные ветерком мягкие волосы вихрились на лбу, но она не замечала этого, погрузившись в состояние безмолвной кротости.

Парень подобрал рукой камешек и бросил его в самую стремнину реки. Неторопливый, тягучий, как масло, поток воды, всколыхнув молочную тишину, отозвался глухим плеском. От этого внезапного звука девушка, беспечно сидевшая рядом, испуганно вздрогнула и схватила джигита за руку:

– Не пугай меня!

– Разве ты не доказала сейчас, что смелая?

– Нет, я трусиха...

И она спряталась в его объятьях...

* * *

Прошла часть ночи. Мрачное небо еще плотнее затянуло сгущенное ночной темнотой грязно-серое крошево туч, напоминавшее комковатую почву. Хотя не пролилось пока ни капли, явственно ощущался влажный запах зарождающегося дождя. Вдали, на самом горизонте, непрерывно поблескивали яркие беспорядочные росчерки молний.

– Ербол, скоро дождик пойдет.

– Да, будет дождь.

– А я люблю дождь.

– Вот сейчас и промокнешь до нитки.

– Ну и пусть...

– А мне ночь нравится...

– Она же полна страхов, а тебя они напугать могут...

Пробежал торопливый ветерок, и на дереве, шумно хлопая, задрожала листва.

– Ты иди, я тебя догоню сейчас.

– Опять хочешь спрятаться?

– Нет-нет, я на минутку...

Громко прокричал ночной петух, пронзив своим голосом каждый уголок спящего аула. Послышавшиеся раскаты грома раздавались все ближе.

– Ты что-то искала под деревом?

– Ничего я не искала.

– А что же там белеет?

– Это бантик мой, я его нарочно там оставила...

Юноша не заметил бусинки слез в глазах подруги.

Роняя на землю то тут, то там крупные редкие капли, стал накрапывать ночной дождь. Совсем рядом, искрясь причудливыми зигзагами, засверкали молнии.

Когда отошли на приличное расстояние, девушка оглянулась назад. Белый бантик, маячивший в темноте тусклой белесой звездочкой, с каждым шагом становился все дальше и дальше...

ХАДИША

Тень высокого тополя перед домом стала длиннее. Все вокруг, окунувшись в сумеречную желтизну, постепенно приобретало багрово-коричневый оттенок. А это знак того, что близится вечер. Наконец-то! Моя тоскующая душа неравнодушна к этой поре, словно ищет в ней что-то. Изнывая от нетерпения, я в сладком томлении ожидаю прихода позднего вечера, как будто он подарит мне желанную встречу. Скорее бы наступил...

Каждый раз, когда приближается этот час, перед моим мысленным взором начинает смутно проявляться и постепенно явственно предстает цветущее время моего невинного детства, жар которого не угасает в глубине души. На влажной почве этой ночной поры лежат следы горячей юности, впервые заставившей трепетать мое невинное сердечко. Куда бы я ни пошел, в чистом воздухе этой ночной поры я слышу доносящийся из моего сердца голос любимой. В ласковых объятьях этой ночи я вижу теплый блеск глаз Хадиши, мерцающий, как луч солнца в весеннем тумане...

Да, звали ее Хадишой. Среднего роста, подвижная, при том смуглое личико ее всегда светилось приветливостью, напоминавшей выплеск нескончаемой радости. Легкий румянец на щеках, неуловимо переливаясь, словно от него исходило тонкое, нежное свечение, придавал сияние всему лицу. И улыбка у нее была какой-то особенной: маняще притягательной, с проглядывавшими меж губ мелкими белоснежными зубами. Темно-карие глаза всегда ласково поблескивали, как будто в них стояли слезы.

Многие джигиты аула жаждали внимания Хадиши, и каждый почитал за честь пройти рядом с нею. Наверное, оттого, что она переехала к нам недавно, среди аулчан, точно единственное сито, переходящее в силу надобности из рук в руки, пробежалась волна всевозможных разговоров, касающихся Хадиши.

«Похоже, воспитанная девушка. И походка у нее такая мягкая, будто по облакам шагает. Но главное – она такая озорная!» – эти лестные слова уже на следующий день после появления Хадиши разлетелись по аулу, в особенности среди молодых парней.

Каждый вечер после работы мы, сплошь одна молодежь, собирались вместе на танцплощадке. Любили повеселиться, посмеяться, танцуя и перешучиваясь с девчонками.

...Ночная округа погружается в объятия бархатной тишины, небо усыпано мириадами звезд, словно подснежниками, взошедшими на голой черной земле. В воздухе мягко, легкой волной плывет мелодия крылатого вальса. Вот, искрясь поблескивающим в глазах огоньком радости, появляется и Хадиша; в ее черных

пушистых волосах серебрится белый бантик, светящийся в темноте как яркая утренняя звезда...

Как бы я ни старался держаться уверенно, танцуя с ней, всегда робел и стеснялся без всякой на то причины, даже дыхание перехватывало.

– Давай сегодня будем танцевать вдвоем, – предлагал я едва слышно.

– А разве мы с тобой не танцуем? – тоже тихонько шепча, отвечала она.

– Да я просто...

– Ну а с кем-нибудь другим потанцевать можно?

Я вконец смущался, не в силах посмотреть ей прямо в глаза. Что же касается Хадиши, ее лицо по-прежнему сияло радостью.

– Какой же ты еще наивный! – со смехом говорила она.

Потом, заметив, что я молча нахмурился, окидывала меня мягким, ласковым взглядом и удивленно спрашивала:

– Ты что, обиделся?.. Неужели из-за такой мелочи надулся?

Я же не мог разжать губ и вымолвить хотя бы словечко.

На самом деле, Хадиша ни к кому не проявляла отчужденности. Ко всем парням она относилась тепло, доброжелательно, щедро одаривая невинной, словно только что распутившийся цветок, улыбкой. Уже от одного этого на душе становилось светло, и мы, страстно чего-то желая, стремились всегда крутиться поблизости от Хадиши. «Звездой какого джигита ты станешь?!» – этот вопрос можно было прочесть во взоре каждого, кто питал по отношению к ней надежды.

Что скрывать, одним из тех, кто провожал Хадишу глазами, был и я. Жили мы по соседству. Наши дома разделял лишь тоненький прозрачный ручеек с песочком на дне, поблескивавший на солнце, как осколок зеркала.

Все предметы, деревья и постройки во дворе Хадиши притягивали мой взгляд и казались родными. По той простой причине, что каждого хотя бы искоса касался взор ее изумительных темных глаз. Даже зажмурившись, я мог на память представить, как под тихонько льющимися утренними лучами еле заметно подрагивает в воде ручья отражение ее дома, как меняются, слегка покачиваясь, словно взмахи ресниц, замысловатые узоры теней на крыше, которыми через просветы кустов играет солнышко.

Возможно благодаря нашему соседству, но, в сравнении с другими парнями, я был как будто бы чуточку ближе Хадише. Пусть мы и не стали настолько же тесно близки, как молоко и сметана, но общались, беседовали и перешучивались напрямую.

Как бы ни переполняла мою душу радость оттого, что я встречаюсь с Хадишой, в сердце пробегала порой и тревожная дрожь, будто я опасался чего-то. Дело в том, что в глубине глаз Хадиши можно было заметить какую-то неведомую никому тайну, которая влияла на ее настроение. Вроде бы только что озорно шалила, как вдруг по ее сияющему лицу пробегала тень печали, точно неожиданно что-то случилось. Радостный взгляд грустнел, а с нежных губ уже не слетала улыбка.

В такие моменты мне чудилось, что я слышу шум стреляющей молниями бури, бушующей в ее душе. С размякшим сердцем я погружался в молчание. Казалось, издай я хотя бы звук, мое счастье быть рядом с Хадишой навсегда улетучится, подобно упорхнувшему воробышку. Не в силах с нею расстаться, я был вынужден оставаться в этом плену. Мое бедное сердце было привязано к Хадише какой-то волшебной силой.

Некоторые девушки имеют привычку задирать нос, едва заметят, как парни, обратившие на них внимание, начинают шушукаться. Хотя за Хадишой всегда увивалась вереница джигитов, она никогда не зазнавалась. Ни разу не изменила своему игривому и добродушному нраву. Правда, в ней наблюдалась слегка смешанная с кокетством капризная избалованность, поскольку она была как бы единственной, кого все мы так дружно превозносили и лелеяли. Замечали мы порой в ее поведении и нотки высокомерия. Однако эти черты, смягченные ее озорным детским характером и привлекательной внешностью, казались даже очаровательными.

...Придя с работы домой, я сразу спешил увидеть Хадишу. Вот уже начинает в полную силу сиять повисшая прямо над ее домом луна, половинка которой поначалу пряталась за стыком крыши. Воздух в ауле становится прохладнее, все громче слышен стрекочущий хор невидимых сверчков. Приближается час, когда Хадиша возвращается с работы...

Какое бледное у нее лицо! Неужели кто-то обидел, или просто колхозная работа замучила? Она ведь еще девчонка, наверное, ей действительно не под силу тяжелый труд – думаешь, легко весь день, будто привязанной, сидеть на сеялке?..

Обхватив руками локти и потупив взор, Хадиша, видимо не заметив, прошла мимо меня во двор. Скинув с себя поношенный джемпер и бросив его с краю ручья, она распустила льющиеся по спине косы и умылась прохладной водой. Вытерлась полотенцем, юркнула в дом и сразу подошла к окну. Пока пальцы заплетали косы, глаза ее пристально смотрели вдаль, будто там, далеко на горизонте, маячила миражом ее заветная мечта, с которой она мысленно общалась. Вдруг с ресниц Хадиши сорвалась одинокая слеза, я понял, что сейчас душа ее грустит, и от жалости, защемившей сердце, едва не расплакался сам.

Если честно, меня задело то, что она поглощена своей сокровенной печалью, тайной для меня. Зачем же она так – ни к чему теням обиды кружить в ее взоре, сотворенном для радости и веселья! Я ведь готов на любые подвиги ради того, чтобы на побледневшем и грустном лице Хадиши снова заискрилась улыбка. Однако... это, похоже, зависело совсем не от меня.

Таким образом, судьба моего душевного состояния стала напрямую зависеть от счастья и уныния Хадиши. Все мои ежедневные мысли, все мечты, согревающие глубины души, были о Хадише. Во время работы я еще немного отвлекался, однако, когда руки были свободны, не находил себе места. Дома я просто не мог усидеть спокойно. Крылья горячего чувства в каком-то неистовом желании невольно поднимали и выносили меня на улицу. Покой моего пылающего сердца был, казалось, в движениях легкой походки Хадиши, то скрывавшейся в доме, то выходившей снова, на острие ее взора, который она время от времени искося бросала в сторону нашего дома.

Голос Хадиши, ее поблескивающий ласковым вниманием взгляд, ее привычка капризничать, как избалованный ребенок, грустная задумчивость, вызванная скрытой в глубине души тайной, настолько глубоко проникли в мое сознание, что, куда бы я ни пошел, они всюду следовали за мной. Во всем, что я видел, слышал, чувствовал, как будто присутствовал образ Хадиши. И в звуках нахлынувшей горячей волной прекрасной мелодии, и в полыхающем пожаре усыпанной цветущими тюльпанами округи, и в едва прорезавшихся, слабеньких лучиках солнечной короны, и в бесконечной нити длинной дороги мне чудился лик Хадиши. Я никогда не был одинок.

Неустанно бушующая надежда бурлила в сердце, отзываясь на каждый его удар. Представьте тихо плывущее пушистое облако, которое робкими прикосновениями ласкает высокую вершину. Подобно ему, меня постоянно тревожила безмолвная, томительная печаль, мягко и нежно сжимавшая сердце. Под впечатлением этих щемящих ощущений, поселившихся в моей груди, я жил в каком-то неведомом, мучительном ожидании.

В тот момент невозможно было представить, чем все это закончится, куда выльется неукротимый поток переполнявших меня чувств. Однако ответ на мою беспричинную тоску и непонятные тревожные ожидания вскоре нашелся.

...Солнце, скатившееся в гущу деревьев и опиравшееся на свои щедро расточающие тепло розовые лучи, неторопливо зашло. Округа совершенно тиха, словно погрузилась на дно моря. Повиснув над вечерним аулом, стелется и плывет взвившийся над домами мягкий дым...

Аульная молодежь собралась в нашем доме, чтобы провести вместе вечер. Дымок поющего самовара, с тихим бульканьем выбрасывавшего в небо облачка пара, и безудержный смех ликующей от радости молодежи как будто ясно давали понять, что веселье в разгаре и многолюдная шумная вечеринка удалась на славу. Неугомонный, зажигательный темп энергичного вальса, будившего в душе огонь и тоску, обволок мое сердце мягкой печалью. Не в силах совладать с чувствами, с мечтой, которая не находила выхода, я оставил веселящуюся компанию и вышел за ворота...

Теплая-претеплая мягкая ночь. Бесчисленные далекие звезды, рассеивая холодный огонь, непрерывно мерцают и поблескивают, будто покрыты тонким слоем инея. Утих шум погрузившейся в покой улицы. Лишь монотонно бурлит внезапно взбушевавшаяся горная речка, напоминая этим однообразным звучанием мои бесконечные, охваченные томительным ожиданием мысли.

Качаясь в колыбели грез, я стоял и смотрел на синие ворота дома Хадиши, которые караулил взглядом ночи напролет, когда за моей спиной послышался мягкий шорох шагов. Оказалось, это Хадиша. Мое лицо обдало знакомым приятным дыханием.

– Тебе вечер не понравился, что ты стоишь тут в одиночестве?

В голосе слышна ласка, смешанная с еле заметной мягкой дрожью.

Я не вымолвил ни слова. Какое-то непонятное жаркое ощущение, которое невозможно передать словами, связало мне язык, и все, что хотелось выплеснуть, комом застряло в горле.

– Ну, скажи, почему ты без настроения, а может, кто-то тебя обидел? – Подойдя ближе, она погладила меня по волосам своей маленькой ладонью. – Что хорошего, когда парень так застенчив, не лучше ли открыться? Станный ты какой-то...

Взяв теплыми пальцами мою руку, постояла, с кокетливым видом заглядывая мне в лицо.

– В самом деле, ну почему ты не улыбнешься? Отчего молчишь, даже слова не скажешь? Опять обиделся? Я так и буду тебя звать – «обидчивый мальчишка», – ласково сказала она и, потянув за руку, потащила меня в сторону дома. – Пойдем, потанцуем вдвоем, давай до конца вечера будем вместе...

Я не понимал, что со мной происходит. Дыхание стало прерывистым, и я едва не задохнулся, как будто настал день, пробил час, и все мои мечты и желания.

скрывавшиеся в глубине души, выплеснувшись из спокойного русла, разрушительным селом рвались наружу.

– Хадиша, подожди...

– Что, обидчивый мальчишка?..

– Неужели ты и вправду не понимаешь, или тебе доставляет удовольствие насмехаться надо мной?!

Изменившись в лице, Хадиша приостановилась.

– Ах вот как... Вот как ты, оказывается, думаешь.

– Как же еще... Ты ведь все прекрасно знаешь и нарочно так со мной поступаешь...

– А мне, считаешь, легко? Думаешь, я стремилась ранить тебе сердце?! – Она перешла на шепот, точно горло ей перекрыли слезы.

Прильнув ко мне, Хадиша умолкла. По еле слышному дыханию и дрожащему телу я догадался о происходящей в душе внутренней борьбе. Но она недолго решалась – уже через несколько мгновений смело заговорила ясным и бодрым голосом:

– У меня ведь не два сердца, чтобы любить сразу двоих. И почему только на его месте не оказался ты?! Думаешь, я тебя не понимаю? Но что мне делать?! И мое терпение уже совсем иссякло. Не буду больше мучить и сама мучиться.

Торопливо выпалив эти слова, Хадиша быстрым шагом направилась к своему дому. Как молния промчалась мимо меня. Пока я с трудом пришел в себя и пролепетал ей вослед «Хадиша», дремлющую ночную тишь нарушил резкий звук хлопнувшей калитки.

В мое взбунтовавшееся, будто дикий конь, сердце хлынула горячая кровь, ее бушующий поток застил мне глаза и уши, так что я почти ничего не различал и не слышал. Ворота и темная ночь, тая перед глазами, куда-то поплыли. Берега ручья обрушились и погасили рассыпанную на дне горсточку звезд...

Уже завтра Хадиша навсегда исчезла из нашего аула. Хозяин дома, в котором она жила, сообщил, что Хадиша уехала утренним поездом на Магнитку, в город, куда после выпускного отправились работать ее одноклассники.

Весь следующий день я провел в бессмысленном шатании. И вот опять наступила ночь. Снова пришла та ночная пора, когда я потерял Хадишу. Так же мерцают звезды, так же тихо дует приятный ветерок. Разрезая черную мглу, над землей поднимается народившаяся луна. Охваченная темнотой ночная округа окунулась в кроткую тишину, словно заснула. Слышно, как бурлит стремительно несущаяся вдаль горная речушка. В поднебесье стрекочут невидимые сверчки. Рокочет вспахивающий землю трактор...

Все звуки и картины, воплощавшие ночную жизнь, напоминали мне Хадишу и вызывали неизбывную тоску. Наконец печаль понемногу утихла, теперь мою голову сверлила мысль: что же дальше, неужели мы больше никогда не встретимся?!

И я стал повсюду искать любимую. Тихо подошел к знакомым синим воротам. Ни звука. В свете запоздалой луны сиротливо поблескивают стекла ее черного окна. Я вошел в сад, где рассыпался ее звонкий смех. Окунувшийся в темноту, он был тих и мрачен.

Посидел на краю протоптанной ее ногами тропинки. И здесь тишина. Беззвучно спят в беспорядке сплетенные, густо теснящиеся верхушки люцерны.

Все кажется бледным и бесцветным, словно вместе с Хадишой ушли вся красота и краски жизни.

Лежа ничком во влажной траве, я думал о Хадише. Грудь теснило, как будто ночная темень придавила ее своим весом. Мелкие росинки осыпали мои волосы, чистые, прозрачные капли омыли лицо и губы...

Я попрощался с любимой.

...Багрово-красные сумерки, окрашивавшие заревом плывущие в воздухе пушистые пылинки, стали меркнуть. Аул, накрывшись сумрачной накидкой, поблек. Точно тлеющие в золе угольки, тускло замерцали первые вечерние звезды. К дому подбиралась ночь...

Куда бы я ни пошел, в чистом воздухе этой ночной поры я слышу доносящийся из моего сердца голос любимой. В ласковых объятьях этой ночи я вижу теплый блеск глаз Хадиши, мерцающий, как луч солнца в весеннем тумане...

МОЯ МАТЬ

– Ну, давай, мой озорник, вставай! Дел неспорно – сон как рукой снимет. Вещи валяются где попало. Огонь в очаге вот-вот погаснет. Дрова нужно занести, и теленок до сих пор на привязи... А я выйду пораньше – наша арба уже подъехала. Ну, мой хороший, я пошла, а ты будь со своими вещами поаккуратнее...

Шла трудная послевоенная пора. Торопливо наговорив кучу подобных поручений, моя мать уходила из дому. Для меня такое пробуждение не было неожиданным – давно привык. Рутинное начало дня, ставшее усвоенной с малых лет традицией, привычной и для слуха. Возможно, по этой причине о всех «трудах», возлагаемых на меня матерью, я слушаю лежа, накрывшись с головой и спрятав лицо в теплом одеяле, будто бы никак не могу прервать свой сладкий сон. Да и будит она так, словно укачивает, и мне потом еще долго хочется лежать в томной дреме.

Что касается матери, спешку она обратила в свою ежедневную привычку. Вечно торопится, как будто без нее колхозная работа остановится. Ее суетливость не знает границ особенно в те дни, когда она печет хлеб или затевает стирку. Оставив второпях дом неприбранным, мама убегает, хватая на ходу рукавицы, нож или что-то другое, необходимое для работы. Уходит засветло, в ту пору, когда во время уразы принято открывать постный день, а по дороге непременно спотыкается о какое-нибудь ведро или медный кувшин, создавая невообразимый шум.

В принципе, я никогда в жизни не видел, чтобы она выходила из дому спокойно, беззаботно шагая вразвалочку. Мать всегда спешила как на пожар. Вот и сейчас, повязав на ходу платок, волоча по земле кетмень и лопату, она направилась к подвозившей работниц арбе, которая поджидает ее на той стороне трассы.

Похоже, она забыла дома пояс, обычно туго затянутый на талии. Летящий навстречу ветерок с легкостью задирает ей платье, обнажая ноги. «Я скорая на подъем», – говорила часто мать, вот, видимо, и забыла второпях...

Вся эта спешка и суета сменяются в ней покоем лишь тогда, когда она усядется наконец на телегу и, подставив лицо ласковому ветру, отправится в путь к месту

работы. А если так, разве придет ей в голову мысль, что можно возвратиться за забытой вещью?!

Находиться среди подруг с повязанными на лбах платками, чьи лица покрыл густой, темный загар, и вместе с ними, обливаясь на солнце потом, не зная устали, очищать от ботвы грязную свеклу – это для моей матери истинное наслаждение жизнью...

Светлая моя, она и сейчас такая. Когда мама, скинув старый бешмет и зашучив рукава, приступает к горячей работе, вся невольно преображается, как вдохновенный акын, к которому пришло озарение; напоминающая паутину сетка морщин почти разглаживается, а загорелое лицо начинает искриться каким-то воодушевленным светом.

Хотя и настигла ее старость, она не собирается с нею мириться, не покоряется ей; уже одна ее энергичная походка – плод неистощимого удовольствия, которое она испытывает в любой работе. Да, эта влюбленность в дело впиталась в кровь моей матери с юных лет и с годами, когда она повзрослела и стала сознательной, только усилилась. У меня нет ни малейших сомнений в ее великой, не поддающейся измерению любви к труду, ведь всю свою жизнь она честно и неутомимо работала. По сути, мне думается, эта ее любовь к кипучей жизнедеятельности – святая.

...Вот она, заслонившись ладонью от слабеньких лучей поднявшегося над невысокими холмами утреннего солнца, стоит у края выделенной для нее свекольной кучи. На листьях свеклы, как поблескивающий в ее глазах огонек жаркого вдохновения, посверкивают жемчужины утренней росы, начинающей испаряться под мягкими лучами. Ощущать это знакомое испарение, исходящее запахом ботвы, – это тоже ни с чем не сравнимое для нее удовольствие.

Скинув верхнюю одежду, мать присаживается рядом с кучей только вчера собранной свеклы. Чтобы приноровиться и не погасить первоначальный темп, она сперва обозревает взглядом предстоящий объем труда. «Глаза боятся – руки делают. Ну, с Богом! Бисмилля!..» И приступает к работе. Без перерывов, до позднего вечера...

Нет, пожалуй, я немного отступлю: пусть мой рассказ начнется с более ранней поры.

...События, о которых пойдет речь, происходили в последние годы Отечественной войны. Тяжелое для страны время, пора испытаний и всеобщей нужды. Мы тогда жили в глухом уголке, в небольшом, расположенном на отшибе колхозе «Кербулак». Все тяготы военного лихолетья в тылу легли на плечи согбенных стариков и неокрепших подростков. А молодые женщины, оставшиеся без сражавшихся на фронте мужей, стали главной опорой аула: любая тяжелая работа проходила через их трудолюбивые руки.

В ту пору у каждый вечер не засыпал до половины второго ночи в ожидании возвращения матери с работы. В доме холодно, я сижу в одиночестве. Снаружи завывает пронизывающий до костей, холодный осенний ветер. Под ложечкой сосет, в глазах темно от голода, я жду мать и пугливо прислушиваюсь к каждому резкому звуку. В доме нет, на худой конец, даже пары горсточек муки, а мне так хочется поесть хлеба.

После долгого ожидания с шумом раскрывается наружная дверь, и в дом входит мать.

– Сердечко мое сладенькое, ты до сих пор меня ждешь?

Ее ноги исполосованы темно-красными, как спелая вишня, кровоточащими царапинами. Привычная картина – в дни полива на полях схватывается тонкий осенний ледок, который безжалостно режет оголенные икры, покрывая их кровавой решеткой царапин.

– Найди мне хлеб, я хочу хлеба покушать!

– Жеребенок мой, какой еще хлеб... Лишь бы Всевышний не поскупился для тебя на здоровье, даже если пошлет нам одна воду. Вот победим Германию...

– Я голодный, хочу хлеба поесть, хлеба хочу!

Мать, заметив, что я начинаю злиться, а глаза у меня темнеют, хотела успокоить, обняв и прижав к себе.

– Не надо! Мне от тебя ничего не нужно, только хлеб найди!

– Озорник мой, да где же я тебе найду то, чего нет?!

– Хлеб хочу... хлеб, хлеб, хлеб!..

– Как же я люблю твои блестящие глазки! Ты так сильно проголодался?

Я пулей вскочил, оттолкнул стоявшую перед дверью мать и выбежал на улицу.

Темно, ни зги не видно. Злой студеный ветер тут же обвился вокруг моего лица, ног и, подталкивая в спину, стал гнать вперед. Хотя я и сам толком не понял, зачем выскочил из дому и куда теперь направлюсь, все же сорвался с места и побежал, как будто принял какое-то твердое решение.

Неожиданно нога обо что-то споткнулась, и я упал навзничь. Однако даже не попытался встать, и ни одна слезинка не выкатилась из моих глаз. Под короткую рубашку пробирался холодный ветер, но я лежал на морозной земле, пока спина окончательно не заледенела.

Спустя немного времени послышался вперемешку с рыданиями отчаянный зов матери, выбежавшей на мои поиски. Я только крепче стиснул зубы и молча лежал, пока она не наткнулась прямо на меня.

Вернувшись домой, мы не проронили ни звука. Съежившись от холода, улеглись в постель. Мать даже слова не сказала, молча лежала рядом, поглаживая ладонью мои взъерошенные волосы. Будто злясь на кого-то, я беззвучно лежал с крепко сжатыми зубами и под горячими материнскими слезами, капавшими на затылок, незаметно уснул...

Позднее, став уже взрослым мужчиной, размышляя об этом случае, я понял, что это и есть по сути мое детство. Возможно, безрадостная, голодная пора моего раннего детства – это и мои отданные фронту кровь и пот. А жестокие страдания, причиненные мной невинной матери, от которой я требовал то, чего нет, – это, наверно, мое проклятие войне.

Но как же я восхищен своей мамой – никогда не смогу забыть проявленную ею в тот раз выдержку. Наутро, как только встала, она заговорила со мной так ласково, будто ночью ничего не произошло, и так беззаботно, словно все в доме сыты и довольны:

– Мои ненаглядные темные глазки, тополек мой единственный, родной мой, вставай! А я тебе кашку из жареного толокна сварила, – радостно объявила она и крепко-крепко меня расцеловала...

По-видимому, она всегда боялась, что мое и без того раненное детское сердечко ожесточится, во всяком случае, в дни нужды и тяжких страданий она ни

разу, ни на одну из моих выходов не выказала обиды, ни одну из моих шалостей не встретила сердито нахмуренными бровями. Что бы ни случилось, на ее обветренном загорелом лице я видел лишь ласковый и теплый свет, напоминающий мягкие лучи восходящего солнца.

Считая меня равным себе человеком, она часто советовалась со мной, спрашивая: «Как ты думаешь, а если мы с тобой вот так сделаем?..» Кроме того, по-настоящему одаривая меня своим неунывающим жизнелюбием, мудро поучала «Настанут и для нас светлые дни, просто надо чуточку потерпеть».

...Точно голодный волк, задравший овцу, я набрасываюсь на скудный завтрак и, обжигая пищевод, жадно глотаю горячую толкушку на дне миски.

Вероятно, эта картина камнем ложится на сердце матери – она застыла, впившись глазами в одну точку, как будто молча проклинает войну, которая довела людей до такого состояния. Спустя минуту, опомнившись, она взлетает с места и, перевязав набухшие, воспаленные икры, спешно собирается на работу.

– Зачем ты выходишь на полив, снова ведь ноги в кровь изранишь?

– А что же делать, сынок, разве сейчас время выбирать работу? Когда ваши отцы проливают кровь, и нам негоже от дел отлынивать. Если придет мир, за один день все не переменится, думаешь, все так просто?

* * *

Прошла уже целая неделя, как я не видел мать. Когда начинается сбор урожая, голову некогда повернуть, так что в последующие дни работа в колхозе из-за своей неотложности стала круглосуточной. Женщины-свекловоды вообще не возвращались с поля, забыв о том, что у них есть дом. Неутомимо трудились весь день, весь вечер и даже часть ночи под тусклым, сероватым светом луны. Вздremнув несколько часов в сооруженных на краю поля шалашах, они в кромешной темноте, задолго перед осенним рассветом, в непривычный для человека час, снова стекались к месту работы.

«Смотрите, чтобы свекла под снегом не осталась!» – призывали часто назежающие районные руководители, и женщины без передышки, не жалея себя, работали, то ли опасаясь гнева начальства, то ли в искреннем порыве, поскольку воистину сердцем ощущали нависшую над страной беду. Все они были зрелыми, выносливыми и сильными. Но даже немощные аульные старухи с дрожащими руками старались, чем могли, оказать посильную помощь: если у какой-то из женщин некому было позаботиться об оставшемся без присмотра хозяйстве, они спешили туда, выдаивая одну-две овцы либо коз, а молоко, чтобы не испортилось без хозяйки, кипятили или заквашивали.

...Я крепко спал, даже не помню, как проснулся, но разбудила меня суета в передней. Уже встало серое утро. Судя по тому, что по окну бегут струйки воды, на улице льет дождь. «Как здорово, наверное, апа в такой ненастный день останется дома!» – мелькнуло у меня в голове.

Из другой комнаты донеслись незнакомые голоса каких-то чужих людей:

– Значит, положение у вас неплохое... А малыши не голодают, сколько у вас детей?

– Один у меня озорник, если все сложится благополучно, он уже скоро совсем взрослым станет. Думаете, будет жаловаться на трудности – ни за что, он ведь у меня джигит!..

– Это хорошо, тем не менее, чтобы не голодал, мы хотим помочь – чем можем на сегодня. Вот, решили распределить между семьями, где есть маленькие дети, небольшие запасы пшеницы, что остались в амбарах, поэтому и обходим дома – хотим составить поименный список. Это всё ради наших солдат, отцов, воюющих на фронте, ради их детей – будущего аула. Так что немного попозже приходите в контору.

– Единственного ребенка мы как-нибудь и сами сумеем поднять. В ауле немало многодетных семей, лучше, если вы больше внимания уделите им.

– С вашей стороны мудро, но все равно заходите в контору – посоветуемся, обсудим ваше предложение. Осталось немного потерпеть, совсем чуть-чуть – фашистам скоро придет конец, – сказали напоследок незнакомцы и удалились.

Я молча лежал и думал: «Кто же это был? Какие хорошие люди!»

В комнату вошла мать.

– Апа, а кто эти люди?

– Представители районной власти, прибыли разузнать положение в ауле. Говорят, немцы терпят поражение. Наверное, и отец твой скоро вернется, – ответила она, целуя меня в щеку.

* * *

Иногда раз в месяц, иногда каждую неделю аул будоражит быстро разлетающаяся печальная весть. «О, несчастный мой супруг, ты был храбрым как лев, отчего ты покинул нас в расцвете молодости?!» – эти горькие крики разрывают людям сердце. Если для меня это просто означает, что в чей-то дом принесли похоронку, извещавшую о смерти близкого, то моя мать, естественно, воспринимает новость гораздо острее: задыхаясь от жгучих слез, она плачет в передней и сквозь всхлипывания нашептывает: «Эх, ну что за жизнь!.. Да будь ты проклят, вероломный Гитлер! И когда только насытитесь твоя змеиная утроба... сколько молодых парней уже поглотил!...»

В мирные дни, когда аул не терзает новое горе, она тоже пребывает в тревожном беспокойстве: шарахается от каждого шороха, будто кто-то ее преследует, испуганным взглядом провожает любого путника, спешащего к аулу, а глаза ее сразу влажнеют от слез, поблескивающих точно осколки стекла.

Во время работы она не так чувствительна, однако, когда руки не заняты, не может места себе найти. «Ты лежи, а я пойду чистить хлев», – говорит она мне, снова убегая по колхозным нуждам, потому что не в силах усидеть дома и старается чем-то себя занять, чтобы заглушить непонятный страх. Чуть что – мчитесь туда, где в этот момент требуются руки.

Если в аул неожиданно нагрянет кто-нибудь из наших близких родственников и примется ее искать, односельчане, поминая мать, посмеиваются: «Ой, да ну ее, разве она когда-нибудь сидит дома?! Еремек ведь рождена труженицей, так что ищите ее где-нибудь на колхозной работе»...

Свет материнской надежды лился и лился, без конца и без края. Прошли ранившие каждого военные годы, принесшие людям столько бед и тяжких испытаний. На улицах аула, рассеяв тучи горя, заиграл огонь мирной жизни. Однако мой отец так и не вернулся.

Разве легко это было пережить моей матери, ведь угас ее светоч, ее путеводная звезда?! Когда без вести пропадает самый дорогой и близкий тебе человек,

который, пусть и находился вдали от дома, но был его опорой и надеждой, чье сердце выдержит?! Однако моя мать не вынесла на люди душевных тайн, не выставила напоказ хранившуюся в сердце большую любовь и молчаливую боль, а погасила все в себе....

Вот всю округу накрыла черная тень; луна, которая была видна лишь наполовину, стала полнее и засияла ярче. Близится вечер. Где-то вдалеке слышится с арбы песня. Это женщины-свекловоды возвращаются с работы.

Моя дорогая, моя удивительная мама, это, конечно, не ты сидишь и поешь на арбе, кто бы то ни был, они уже намного моложе тебя. Но льется трудовая песнь – гимн твоей безбрежной души и огромного сердца. В ласковых переливах этого горячего голоса я слышу тебя, и передо мной встает твой милый образ простой колхозной труженицы. Ты – настоящий герой, ведь в мирном покое и богатстве, в благополучии и счастье, которые пришли в аул, – во всем есть и твой вклад, многое сотворено именно твоими трудовыми руками.

Твою голову украсила серебристая седина, твое лицо избороздили узоры морщин. Все эти бесчисленные черточки на твоем лице сродни разветвленной сети множества оросительных каналов, дарующих Великой степи жизнь.

О, моя золотая мать, моя неутомимая, неистощимая, моя драгоценная мама, пусть твой путь устелет яркий ковер тюльпанов и озарит жизнерадостный свет утреннего солнца!..

Перевод с казахского Майры ЖАНУЗАКОВОЙ

Казиев Караулбек (1939–1984) родился в селе Карабулак Чуйского района Жамбылской области. Окончил отделение журналистики филологического факультета Казахского государственного университета, работал на Жамбылском областном радио, затем главным редактором новостных программ в Шымкентском областном комитете по телевидению и радиовещанию.

Автор сборников рассказов и повестей «Ақ бантик» (1968), «Иманжапырақ» (1975), удостоенного первой премии закрытого литературного конкурса, «Үтренняя роса» (1983), «Үркер» (1979), «Кемпірқосақ» (1984), «Ақшуақ» (1988).

